

ТРАГЕДИЯ ШХУНЫ «УНГО»

Впервые я услышал об этой истории ещё во время службы на флоте. Морское посыльное судно «Моржовец», куда я был временно прикомандирован в качестве врача, вышло из Владивостока в Тихий океан для обеспечения пилотируемых полётов с Байконура по программе «Эллипс» (была такая при СССР). Точка нашей плановой дислокации находилась где-то в районе атолла Уэйк, так что «топать» было весьма прилично. Кратчайший курс для выхода в Тихий океан лежал через японский Сангарский пролив.

Экипаж «Моржовца» был военным, командир — капитан-лейтенант. Сам пароход был из крупной серии гидрографических судов польской постройки. Кстати — с великолепными мореходными качествами: резво бегал и хорошо «отыгрывался» на волне. Такие суда до сих пор ещё сохранились в российском флоте.

Как только мы подошли к японским терводам, сразу в воздухе появился патрульный самолёт Р-2 «Нептун» и, посвистывая турбовинтовыми движками, начал облёт судна. А через пару часов на горизонте замаячила чёрная точка, постепенно принявшая очертания японского ракетного эсминца «Амацукадзе». Затем эсминец зашёл нам с кормы и пристроился параллельным курсом в паре кабельтовых. Агрессивных намерений не выказывал, но вид баковых 127-миллиметровых орудий особого оптимизма не внушал.

Во время обеда в кают-компании командир БЧ-5, кивнув на видневшийся по левому борту серый силуэт эсминца, сказал:

— А вот шарахнул бы он сейчас по нам парой снарядов — и всё, пошли бы рыб кормить.

— Да ну, не война ведь, — степенно ответил старпом. — Да и оружия у нас нет, и флаг не военный.

— А ты что, про «Унго» забыл? Там тоже флаг не военный висел, — вмешался в разговор штурман (тоже капитан-лейтенант, но уже в годах).

— Вы бы, товарищи офицеры, поосторожней про «Унго»-то! — заметил командир
— А то наших гражданских товарищей до смерти напугаете, а нам ещё месяц в походе быть. Вдруг, понимаешь, духом ослабнут.

Разведывательный корабль «ГС-34» (гидрографическое судно «Унго»)

Вечером я зашёл в каюту штурмана и спросил про «Унго». Тот немного помялся, но всё же вкратце рассказал, что это было советское гидрографическое судно, которое в конце 50-х обстреляли корейцы. Погибло несколько человек. Дело мутное, засекреченное, и распространяться об этом особо не стоит. На том мы и расстались.

После было не особенно приятно созерцать из иллюминатора орудия «Амацукадзе», который сопровождал нас до конца пролива.

Духом, мы, конечно, не ослабли и в походе работали как надо. На обратном пути нас тоже сопровождали — эсминец «Аянами» и самолёт береговой охраны. А загадочное слово «Унго» засело в памяти — до поры до времени.

Недавно, перечитывая очередные материалы для статей про Корейскую войну, я снова наткнулся с интернете на это слово. И начал поиски... Материала нашлось немного, но главное о той давней трагедии удалось выяснить.

Итак, вернёмся в декабрь 1959 года, когда разведывательный корабль Тихоокеанского флота «ГС-34», имевший для прикрытия статус гидрографического судна и наименование «Унго», под командованием капитан-лейтенанта Александра Борисовича Козьмина находился в походе в Японском море — у восточного побережья Кореи, в Восточно-Корейском заливе.

В этот раз корабль выполнял обычный разведывательный поход, осуществляя разведывательное обеспечение безопасности возвращения репатриантов из Японии в Северную Корею.

Вечером 28 декабря штормило, была малая видимость. В 19 часов погода улучшилась. Командир БЧ-1 Э. Щукин по приказанию командира корабля чаще стал определять местоположение корабля. Быстро темнело, на корабле усилили визуальное наблюдение, несли вахту на постах радио- и радиотехнической разведки. С целью обеспечения скрытности ведения разведки активная радиолокационная станция не выключалась. До северокорейского берега было 30 миль, а до побережья Южной Кореи и того больше — 36 миль (ширина территориальных вод КНДР равна 12 миль, Южной Кореи — 3 мили).

Вдруг по правому борту «Унго» в небо взвились ракеты, и почти в то же мгновение огненная трасса прочертила небо, устремляясь к кораблю. Командир корабля был твёрдо уверен в месте своего корабля и в том, что корабль не нарушил территориальных вод иностранного государства, а следовательно, этот залп не мог носить даже предупредительный характер.

«ГС-34», не имея на борту вооружения, вынужден был отвернуть на 90° и начать отходить ещё дальше от берега. На корабле включили один из прожекторов, и рулевой-сигнальщик матрос Г. Копанев, пользуясь международным сводом сигналов, начал непрерывно подавать в сторону берега сигнал «Чем вызван обстрел?» Прошло несколько напряжённых минут, и вдруг

наши моряки увидели силуэты трёх кораблей без ходовых огней и каких-либо других опознавательных знаков. Корабли быстро приближались к «ГС-34». Один из них шёл прямо на судно и через несколько минут был опознан как малый противолодочный корабль «большой охотник». Командир «ГС-34» приказал направить один из прожекторов на гидрографический флаг СССР, развевавшийся над кораблём (под этим флагом с 3 августа 1959 года ходили разведывательные корабли ТОФ), а вторым прожектором, вахту на котором нёс Александр Шестернин, — освещать приближающийся к нему иностранный корабль. В 20.40 «большой охотник» приблизился к «ГС-34» на дистанцию 45–50 кабельтовых и без каких-либо предупреждений дал по безоружному «ГС-34» четыре очереди из 40-миллиметровых автоматических установок. Дистанция между кораблями в этот момент была настолько мала, что не разглядеть на «ГС-34» гидрографический флаг СССР было невозможно. После этого катер отвернул и ушёл в темноту. В результате огня был разбит компас, повреждены радиоантенна, шлюпка, труба и корпус корабля, разбит спасательный плотик; один из снарядов попал в носовой кубрик.

«ГС-34» уменьшил ход и лег в дрейф. Катер вновь приблизился к кораблю и открыл огонь. Снаряды рвались на палубе, один снаряд попал в ходовую рубку, командира корабля отбросило взрывной волной, а помощник командира корабля капитан-лейтенант А.П. Новомодный и рулевой-сигнальщик Ю. Фёдоров были ранены. Снаряды продолжали поражать корабль.

В момент взрыва снаряда в рубке рулевой-сигнальщик матрос А. С. Кажаяев, стоявший вахту на руле, успел броситься в ту сторону, где находился командир, и заслонил его своим телом. Матрос был убит наповал, получив прямое попадание снаряда в живот. Тяжёлые ранения получили сигнальщик В. Казанцев и рулевой А. Белкин, но ни тот, ни другой не покинули свои посты. Всё это время раненый сигнальщик Г. Копанев продолжал освещать флаг своего корабля. Когда «охотник» вновь близко подошёл, наши моряки разглядели его номер «205» и корейский литер.

Катер, подержав луч прожектора на советском флаге, неторопливо ушёл в сторону и скрылся в темноте. Ушли во тьму и два других корабля, лежавшие в дрейфе поодаль. Во время обстрела весь экипаж держался храбро. Никто не покинул своих постов, радист поддерживал непрерывную связь с Владивостоком, а в машинной команде, где в это время было особенно тяжело нести вахту, не зная, что происходит наверху и что угрожает кораблю, ни один из мотористов ни на минуту не покинул своего поста.

В район инцидента вылетели самолёты Ил-28, по тревоге из военно-морской базы Стрелок был послан дежурный эсминец, который принял на борт тело убитого матроса А.С. Кажаяева и раненых моряков для доставки их в военно-морской госпиталь. «ГС-34» («Унго») был взят на буксир и доставлен в базу. Погибший матрос похоронен на Морском кладбище во Владивостоке.

По этому инциденту была направлена нота протеста МИД СССР правительству Южной Кореи. ТАСС заявил, что впредь при подобных акциях суда «пираты» будут уничтожаться. Южнокорейские власти заявили о своей непричастности к инциденту и были готовы предоставить кинодокументы, зафиксировавшие нападение катеров Северной Кореи на советское судно.

Позже, по уточнённым данным, было установлено, что кораблём-пиратом был северокорейский малый противолодочный корабль «№ 205» типа «БО-1», полученный от СССР в начале 50-х годов (бывший американский типа SC-1, вооружение — одно 40-миллиметровое орудие и три 20-миллиметровых зенитных автомата). В советской печати о причастности к инциденту кораблей КНДР нигде не писалось. Кроме опубликованной в газетах 31 декабря 1959 года ноты протеста об этом инциденте были две публикации: в газете «Советский флот» от 31 декабря 1959 года и в журнале «Советский моряк», № 2 за январь 1959 года, но и в них вся вина возлагалась на Южную Корею.

В дальнейшем отремонтированный корабль «ГС-34» ещё в течение 13 лет, до 1972 года, нес боевую службу. Командир корабля Александр Борисович Козьмин в 1960 году получил под своё командование разведывательный корабль

«Измеритель», затем, в 1971 году, — «Забайкалье». Служил старшим офицером в разведуправлении ТОФ и в 1982 году закончил службу в звании капитана первого ранга на должности заместителя начальника школы мичманов-техников ВМФ в Киеве. Жил в Киеве и умер в 2001 году.

Инцидент был замят и не отразился на наших тогдашних отношениях с КНДР. Надо сказать, что в то время из-за неурегулированных с мировыми странами и соседями вопросов о ширине территориальных вод власти КНДР нервно реагировали на любое, как им казалось, нарушение их границ.

Тем более что северокорейские ВМС не всегда придерживались общепринятых правил поведения военных судов в море, так как имели приказ применять оружие против «чужих кораблей», действуя по принципу «Сначала стреляй, а потом разбирайся». Это и привело к тому, что они буквально расстреляли безоружное советское судно.

Разведывательный корабль «ГС-34» («Унго»), тип — шхуна, построен в 1954 году на верфях Штральзунда (ГДР) в составе крупной серии судов для рыболовного флота (как СРТ-4197). 9 мая 1955 года на шхуне был поднят государственный флаг СССР и присвоено наименование «Унго».

В 1955 году судно Северным морским путём перешло на Тихий океан и вошло в состав ТОФ как посыльное. С 1956 года шхуна отнесена к подклассу посыльных судов и получила наименование «ГС-34» (позже Лоц-75), а наименование «Унго» оставлено как легендарное. В 1957 году судно было отнесено к кораблям 3 ранга специального назначения. Под разными наименованиями оставалось в строю 38-й бригады особого назначения ТОФ до 1972 года и в 1973-м было списано и сдано на слом.

Я, в ходе своей флотской службы, много встречал однотипных с «Унго» судов. Это были и рыбацкие траулеры, и транспортные и разведывательные корабли. Один был даже вооружён по типу малого противолодочного корабля и часто торчал в качестве брандвахты на выходе из бухты Золотой Рог. Но

вообразить себя на борту маленького безоружного кораблика, безнаказанного расстреливаемого в ночи у чужих берегов, — выше моего понимания.

И в этом свете героизм наших моряков, не дрогнувших под снарядами на безоружном судне, — пример поведения в чрезвычайной ситуации. Правда, и матросы тогда были другие — из довоенного поколения.

Из книги - Станислав Сахончик. «ПАМЯТИ СОЛЁНАЯ ВОЛНА»